

ВЛАДИМИР
ТОРИН

ТАЙНА ДОМА №12 НА УЛИЦЕ ФЛОРЕТТ

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Владимир Торин

Тайна дома № 12 на улице Флоретт

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Торин В. А.

Тайна дома № 12 на улице Флоретт / В. А. Торин —
2025 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250554-8

Возле канала стоит дом. Это очень старый дом посреди пустыря, и в нем живет мрачная тайна. Она расплзается от одного жильца к другому, пробуждая их темные стороны и заставляя их носить шарфы. Эту тайну пытались удержать внутри, но, как и любая зараза, она нашла путь наружу. И вот уже тень этой тайны мчится через Тремпл-Толл сквозь густой туман на паровых роликовых коньках. Мчится, чтобы рассказать всё некоему Натаниэлю Френсису Доу, доктору, убежденному мизантропу и любящему дядюшке. Тайна вырвалась на свободу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-250554-8

© Торин В. А., 2025

Содержание

Часть первая. Тварь доктора Доу	7
Глава 1. Странный дом	7
Глава 2. О применении шпилек	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Торин
Тайна дома № 12 на улице Флоретт.
История о шарфах, неблагоприятных
секретах и прожорливом монстре

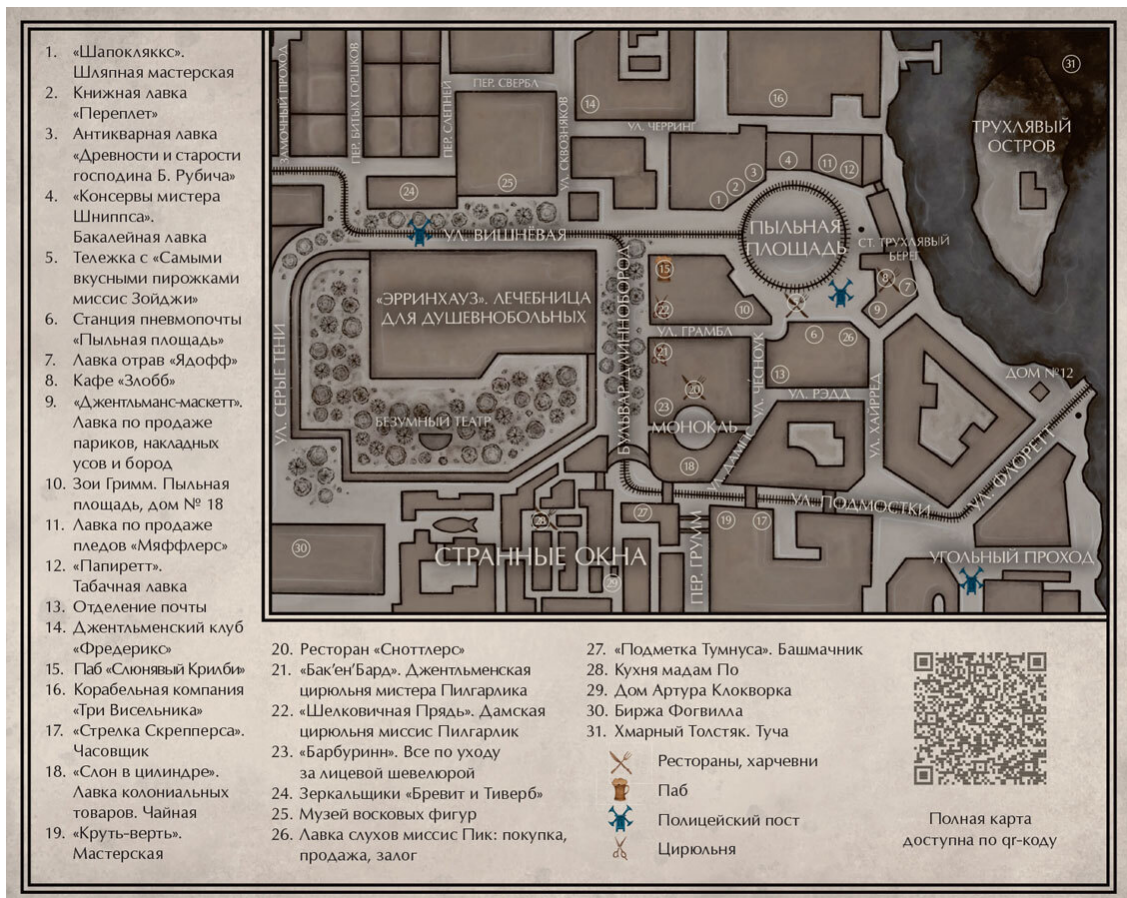

Книга не пропагандирует употребление табака.
Употребление табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Торин В., 2025

© Оформление. ООО «МИФ», 2025

[Полная карта](#)

Часть первая. Тварь доктора Доу

Глава 1. Странный дом

– Ну что за гадостное утро! – возмущенно воскликнул доктор Доу и махнул рукой перед лицом, отгоняя наглый клочок тумана.

Антитуманный зонтик, без которого он обычно не выходил на улицу, если город затягивала мгла, остался дома, и чувствовал доктор себя сейчас крайне отвратительно. Его словно засунули в суп. В вязкий суп, которому пара недель.

Натаниэль Доу шел по переулку Трокар. Туман изменил это место до неузнаваемости. Если бы не бордовый почтовый ящик миссис Перкс, на который доктор в какой-то момент едва не налетел, он бы уже давно заблудился, несмотря на то что прожил здесь много лет.

– Гадостное... гадостное-прегадостное утро!

По правде, все это даже не напоминало утро: и пусть прямо перед тем, как доктор Доу покинул свою теплую гостиную, часы ударили шесть раз, на улице все еще было темно и кругом властвовала затянувшаяся престарелая ночь...

Мгла, поглотившая Габен еще накануне, стерла дома и крыши, окутала гидранты и фонарные столбы. На улице сыро, промозгло, ничего не видно – не лучшее время для того, чтобы оказаться за дверью.

Но доктор Доу оказался: его едва ли не за шиворот вытащили из дома, и это дало ему повод погрузиться в свою сугубо доктор-доускую мизантропию. Сейчас он ненавидел буквально все и всех: проклятый туман, служащих Погодного ведомства, экономку миссис Трикк, племянника Джаспера, старого отставного генерала, что живет в начале переулочка, но в особенности – эту пчелу.

– Да, тебя, Клара, в особенности, – подтвердил доктор, обращаясь к толстой пчеле размером с котенка, которую он держал двумя пальцами за золотистый мех на спинке.

Череда злоключений началась как раз с пчелы... Хотя, если задуматься, это не совсем так.

Все началось с трансляции по радиофору, в которой мистер Беттс, представитель Погодного ведомства Габена, с нездоровой жизнерадостностью сообщал, что, согласно расчетам, утро обещает быть приятным и солнечным. Он даже сравнил обещанное утро с воздушным пирожным флёр-брюле.

Слушая передачу, доктор Доу бросил взгляд в окно гостиной и увидел в нем лицо. Это было одно из самых жутких лиц, какие только можно представить: белесое, изрезанное рывинами морщин, с встопорщенными седыми усами, нечесаными бакенбардами и настоящим безумием в выпученных глазах.

Человек в окне не мигая глядел на доктора. А увидев, что его заметили, нырнул вниз, загромыхав сложенными у стены дома ржавыми трубами.

– Миссис Трикк! – воскликнул доктор. – Генерал Грымм снова убежал от сиделки! Он бродит у нас на заднем дворе!

– Ну так верните его домой! – раздалось из кухни.

Доктор проворчал:

– И почему я должен постоянно это делать?

Экономка, видимо, обладала лисьим слухом, поскольку тут же последовал ответ:

– Потому что вы – доктор, доктор Доу!

Поморщившись от столь глубокомысленного замечания, доктор отправился ловить выжившего из ума генерала.

По раннему времени окна в переулке Трокар не горели, а уличные фонари здесь не зажигались еще с тех пор, как умер старый фонарщик. Что уж говорить о «мусорном» проходе, который тянулся вдоль задних стен домов, – там царили темень и непроглядность... И тем не менее генерал был пойман и обезоружен. Доктор отобрал у него ржавую саблю и препроводил домой, невзирая на бурное сопротивление, сопровождающееся криками: «Война! Грядет война! Как вы не понимаете, Доу? Вы ослепли или сошли с ума, раз не видите! Война! Война!»

Сдав вопящего генерала и его саблю сонной сиделке, доктор вернулся домой с твердым намерением позавтракать, но планы его были жестоко нарушены миссис Трикк. Экономка обвинила его в том, что, выходя из дома, он выпустил пчелу, и потребовала, чтобы он ее вернул, пока та не улетела слишком далеко.

Доктор был зол. Он считал, что, если Клара, эта мерзкая жужжащая сладкоежка, соскучится по своему печенью, она вернется сама. Да и вообще он предпочел бы, чтобы в его доме никаких пчел не водилось. Экономке, впрочем, всего этого было не объяснить, и скрипя зубами доктор отправился на поиски. Но не сразу. Прежде Натаниэль Доу поднялся на второй этаж, намереваясь послать за пчелой Джаспера, но негодный мальчишка погасил лампу и громко захрапел, притворяясь спящим, стоило дядюшке подойти к двери его спальни. Ленивое и неблагодарное, совершенно отбившееся от рук существо!

Доктору не оставалось ничего иного, кроме как идти ловить беглянку самому. Он с сожалением втянул напоследок вкусные запахи завтрака из кухни, а затем в очередной раз нырнул в этот сырой и душливый туман.

Пчела обнаружилась на трубе пневмопочты мистера Дулли из дома № 11: доктор выследил ее по жужжанию.

Клара была очень своевольной дамой – еще добрых десять минут она игнорировала любые уговоры и соблаговолитла спуститься, лишь когда он принялся перечислять ей все те сладости, что приготовила для нее на завтрак миссис Трикк.

Наконец изловив пчелу, доктор пошагал обратно, по дороге вспоминая, нет ли у него дома еще каких-нибудь непоседливых питомцев, которых он мог ненароком выпустить. До завтрака раздражать миссис Трикк было опасно: в последнее время она стала очень нервной, хотя

еще недавно представляла собой примерную, в понимании доктора, экономку. Теперь же она часто злилась, постоянно ворчала и отказывалась готовить его любимые блюда, как будто он не почтенный джентльмен, который платит ей жалованье, а провинившийся ребенок.

Доктор знал, в чем причина произошедших с миссис Трикк перемен. Она стала нервной, как только к ней приехала погостить... эта особа.

Натаниэль Доу с досадой дернул щекой от одной мысли о навязчивой и совершенно невоспитанной племяннице его экономки – Полли Уиннифред Трикк, которая все гостит и гостит, будто решила остаться здесь навсегда. Хотелось думать, что мисс Полли скоро соберет чемодан и вернется обратно, в свой Льютомн, но пока что это были лишь мечты...

Стоило доктору оказаться в прихожей, как до него донесся смех упомянутой племянницы экономки.

«Ну вот, она проснулась», – угрюмо подумал он.

Войдя в гостиную, доктор на миг даже замер от удивления: помимо Полли Трикк, здесь была еще какая-то незнакомая девушка в коричневом твидовом платье.

«Кто она такая? – спросил он себя. – И что тут делает?»

В отличие от мисс Полли, которая, к неудовольствию доктора, чувствовала себя как дома, незнакомке здесь, к его удовольствию, было неуютно. Она сидела на краешке кресла, сжимала дрожащие руки на коленке и нервно покусывала губу. Когда племянница экономки воскликнула: «О, доктор, а вот и вы! Мы как раз вас ждем!» – девушка в коричневом платье вздрогнула и испуганно уставилась на Натаниэля Доу.

Доктор разжал пальцы, и освобожденная пчела, радостно жужжа, полетела к приоткрытой двери кухни, в которой ее встретило ворчание миссис Трикк: «Клара, ты ведь знаешь, что нельзя так просто улететь когда вздумается!»

– И почему же вы меня ждете? – спросил доктор, бросив многозначительный взгляд на напольные часы и подразумевая, что время для любых визитов слишком уж раннее.

Незнакомка намек поняла и сползла с кресла еще немного. Полли Трикк, в свою очередь, конечно же, ничего не поняла.

– Позвольте представить, доктор, – с улыбкой сказала она. – Это моя подруга мисс Браун. Она пришла именно к вам.

Натаниэль Доу нахмурился: мисс Полли была в Габене всего ничего, но уже успела обзавестись подругой. В мыслях доктора ее воображаемые чемоданы щелкнули замками, открываясь, и принялись распаковываться. Кажется, она и правда намерена здесь задержаться...

Подавив раздраженный вздох, он прошел к своему креслу и сел. Неверно будет утверждать, что при этом доктор нацепил на себя официальный вид, – по правде, он его никогда не снимал и даже спать отправлялся собранным и готовым к деловым встречам.

– Если вы пришли ко мне в столь раннее время, мисс Браун, полагаю, дело важное. – Доктор кивнул на свой старенький варитель: – Позвольте предложить вам кофе.

– О, с удовольствием! – ответила вместо гостьи Полли и, вспорхнув с дивана, включила «Хноппиш», после чего засуетилась у варителя, громыхая жестянками с корицей, гвоздикой и рафинадом. – Китти, расскажи пока господину доктору, что у тебя случилось.

Доктор Доу стер суматошную Полли Трикк из своей упорядоченной вселенной гигантским воображаемым ластиком и уделил все внимание мисс Браун. Та поежилась от его взгляда и опустила глаза.

Гостья сразу показалась доктору довольно занятой особой. От него не укрылись заплатки на ее платье и пара пуговиц, которые явно были взяты с другой одежды. Также он отметил синяки у нее под глазами, судя по всему от недосыпания, и явные признаки легкого голодания на бледном лице.

– Быть может, вы позавтракаете с нами?

– О, нет-нет, благодарю, господин доктор, – торопливо сказала мисс Браун, бросив быстрый взгляд на Полли. Видимо, на самом деле ей очень хотелось принять предложение.

«Заслуживающая уважения скромность», – подумал доктор.

Наиболее любопытным в мисс Браун были ее паровые роликовые коньки – громоздкие механические штуковины на тонких ногах. Сейчас они были выключены. И хоть доктор весьма скептически относился к столь легкомысленному, в его понимании, средству передвижения, он довольно быстро догадался, почему девушка сидит в гостиной в роликовых коньках. Причину выдавали изгиб ее ног и то, что она, как ей казалось, незаметно подтягивает их руками при смене позы.

– Хрупкость костей Хромма? – спросил он. – Полагаю, вы можете передвигаться только благодаря данным устройствам. Это врожденное, не так ли?

Мисс Браун чуть порозовела и стыдливо поправила подол платья. Полли, застыв с банкой в руке, пораженно ахнула, – очевидно, она не знала о ее недуге.

– Вы правы, – тихо сказала гостья. Было видно, что ей неприятно говорить о своей болезни. – Но я пришла к вам не поэтому.

Мисс Браун неуверенно поглядела на Полли, и та ободряюще ей кивнула:

– Не бойся, Китти. Ты можешь все рассказать. Доктор по четным дням недели не кусается.

– Я и по нечетным дням недели предпочитаю не кусать дам, – уточнил доктор. – Это мой осознанный выбор: подобное было бы крайне невежливо. Итак, мисс Браун, я вас внимательно слушаю.

– Что ж, – собравшись с духом, начала Китти Браун. – Я живу с бабушкой в доме у канала. Это тихий дом, в котором практически никогда ничего не происходит; даже появление жужжащей мухи там уже целое событие. Жильцы погружены в себя, все заняты своими делами, никто ни с кем особо не разговаривает, и я не сразу придала значение тому, что некоторые в нашем доме заболели. Но когда заболевших стало слишком много, не заметить этого было уже невозможно. Из-за дверей раздается кашель, жильцы постоянно чихают, сморкаются и, пытаясь согреться, обвязывают шеи шарфами. У всех распухли носы. Поначалу я думала, что это обычная простуда, но потом... Никто будто и не думает лечиться, а болезнь между тем добралась уже и до нашего этажа. На днях заболел констебль Шнаппер из квартиры по соседству: у нас тонкие стены, а от его громогласного кашля, похожего на паровозный гудок, дрожит мебель и звенит посуда. Позавчера я встретила мистера Шнаппера на лестнице и поинтересовалась его самочувствием, но он велел мне убираться куда подальше и доставать своими глупыми расспросами кого-то другого, например «доходягу Типпина». Мистер Типпин, о котором говорил констебль, уже почти неделю не показывался из своей квартиры. Он и прежде не отличался крепким здоровьем, и я решила узнать, как он там. Дверь мне никто не открыл, и из-за нее не раздавалось ни звука, как будто мистер Типпин ушел или... или...

Китти Браун перевела дыхание, немного помолчала и продолжила:

– Бабушка от всех моих подозрений просто отмахнулась. «Не лезь не в свое дело, – сказала она. – Ну хочется людям болеть, пусть себе болеют!» Понимаете, она очень строгая дама, и я не решилась спорить. Но вчера... – мисс Браун запнулась. – Она тоже заболела. Все началось с мигрени, насморка и кашля. А потом я застала ее, когда она чихала в своем кресле. Это было ужасное судорожное чихание, оно длилось около пяти минут. Сегодня все стало хуже: бабушка обмоталась с ног до головы длинным шарфом, который прежде ненавидела. Ее лицо... Оно позеленело, на нем выступили жуткие вены, похожие на ветви деревьев... Я очень переживаю за нее, господин доктор. Такое чувство, будто бабушка надеется, что все само пройдет. У нас совсем нет лекарств, но она не позволила мне пойти в аптеку: бабушка не верит аптекарям и считает их шарлатанами. Я рассказала обо всем Полли, и она посоветовала мне немедленно обратиться к вам.

Зазвенел варитель. Полли вручила исходящую паром чашку подруге, прежде добавив в нее еще один кубик рафинада, – казалось, он ей сейчас просто необходим. Китти Браун приняла чашку дрожащими руками и с мольбой поглядела на доктора Доу.

– Вы нам поможете?

– Конечно, поможет, – вставила Полли, и на этот раз доктор даже не ощутил привычного раздражения из-за ее бесперемонности.

– Хорошо, что вы пришли ко мне, мисс Браун, – сказал он. – Меня беспокоит то, о чем вы рассказали: налицо заразное шествие, и игнорировать его было бы слишком беспечно. Кашель, насморк и даже многократно повторяющееся чихание – все это и правда симптомы инфлюэнцы. Быть может, имеет место инфлюэнца Стерлинга или Хрип-ин-берд – они характерны быстрым распространением, но некоторые симптомы вашей бабушки не подходят ни под одну из этих болезней. Зеленое лицо, говорите? Насколько зеленое?

Мисс Браун на миг задумалась и, достав что-то из кармана платья, протянула это доктору.

– «*Чимнизз*», – прочитал он, разглядывая тонкий, с палец, цилиндрок в бледно-зеленой обертке. – «*Химрастопка для каминов*».

– Я использую ее для своих паровых роликов, – пояснила Китти Браун. – Кожа у бабушки как этикетка. Чуть зеленее даже...

– Занятно... – Доктор вернул мисс Браун цилиндрок химрастопки. – Позеленение кожи. И еще ярко выраженная венозность. Это не инфлюэнца Стерлинга и уж точно не Хрип-ин-берд. Может быть, ангина Морлонда? Но... она исключает насморк. А что вы можете сказать о кашле? Он какой?

– Я... Я не знаю... Сухой, надтреснутый. – Мисс Браун вдруг вскинула голову. – А, и еще... Я совсем забыла: у бабушки то и дело текут слезы. Она быстро вытирает их платком, но я видела сам платок. Он тоже зеленый – как будто в чернилах...

– Зеленые слезы?

Доктор подобрался. Его брови выстроились в одну линию, а лицо ожесточилось, словно ему вдруг сообщили о том, что его заклятый враг в городе.

– Вы... Вы знаете, что это такое? – спросила мисс Браун.

Доктор Доу медленно покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Но я выясню. Непременно выясню.

Откинувшись в кресле, Натаниэль Доу достал из кармана сюртука портсигар. Чиркнула спичка, и доктора затянуло облаком вишневого дыма от папиретки.

Он больше не напоминал утомленного, раздраженного человека, которого все кругом дергают по пустякам. Глаза доктора Доу блестели. Его взгляд стал по-настоящему жутким: в нем появились непонятная злость и, что странно, будто бы предвкушение.

– Я найду ее, – негромко проговорил он. – Эта тварь не уйдет от меня...

Китти Браун поглядела на Полли. И увидела страх в ее глазах.

К середине дня туман не рассеялся – напротив, сгустился еще сильнее, и Тремпл-Толл, который также называют Саквояжным районом, стал походить на жертву удушения подушкой: бедолага пытается шуметь и дергаться, но постепенно он прекращает шевелиться, хрипы становятся все глуше и глуше, пока не стихают совсем.

Поначалу город наполнился шумом и возмущением из-за отмененных дирижабельных рейсов и тех цен, что стали задирать кебмены, но вскоре вся привокзальная часть Габена будто бы впала в спячку.

Восточная окраина района в непосредственной близости от канала Брилли-Моу казалась особенно удручающей. Ни экипажей, ни прохожих здесь не было, а в тесно стоящих скособо-ченных домах, чернеющих подворотнях и подслеповатых окнах почти не ощущалось жизни.

– Доктор Доу? Джаспер? – позвал вдруг кто-то в тумане, но так и не получил ответа.

На одной из пустынных улочек взвыла собака. Протяжно и заунывно, словно жалуясь на свою собачью жизнь. Пробежал человек с фонарем в руке. В угольной куче, привалившейся к одному невзрачному дому, зашуршали крысы, обгладывая что-то... или кого-то.

А потом улица снова погрузилась в тишину. Пока в какой-то момент во мгле не раздался звук медленно вращающегося пропеллера.

Из тумана вышли двое: джентльмен в черном пальто и цилиндре и мальчик лет двенадцати в узком сюртучке. В одной руке джентльмен нес черный кожаный саквояж, в другой сжимал рукоять антитуманного зонтика, лопасти которого и издавали приглушенное «шурх... шурх... шурх...». Распыскиваемая в воздух и рассеиваемая пропеллером микстура «Дефогг» испаряла мглу на пару футов вокруг, и со стороны могло показаться, будто джентльмен и мальчик прокапывают кротовую нору в тумане. Впрочем, тот быстро затягивал прорехи.

Мальчик то и дело фыркал и держал руки в карманах, чем напоминал спутнику какого-то портового грузчика, начисто забывшего о манерах.

– Прошу тебя, не делай так, Джаспер, – сказал доктор Доу, когда племянник взъерошил свои нечесанные волосы, отчего они превратились и вовсе в суший кавардак.

– Да, дядюшка, – ответил мальчик.

Дядюшка занес в свой мысленный ежедневник запись на послезавтра: «Усыпить Джаспера “Сонным сном доктора Слиппинга” и наконец отвезти его к цирюльнику, поскольку это просто невыносимое зрелище. Вероятно, именно так выглядят огородные пугала... – Подумав, что данного сравнения недостаточно, доктор добавил: – Которые не дружат с гребешком и не навевываются к цирюльнику».

Джаспер пока что не догадывался об ожидающей его печальной участи и представлял собой саму беспечность и непосредственность.

– Почему ты решил пойти со мной? – спросил доктор, поглядев на племянника. – Если мне не изменяет память, ты собирался идти с мисс Полли в музей «Причудливые странности мадам Бергмортен».

– Миссис Трикк взяла Полли на чаепитие к миссис Баттори, – ответил Джаспер. – У Полли закончились отговорки, а миссис Трикк сказала, что в музей можно пойти и позже. Миссис Баттори, по ее словам, *недоумевает*, отчего они до сих пор не зашли к ней в гости, после того как Полли приехала.

Доктор Доу не завидовал мисс Полли. Глория Баттори, ближайшая подруга его экономки, была крайне неприятной особой – склочной, злобной и ехидной. В личном докторском списке негодяйских личностей, без которых в этом городе было бы лучше, она занимала примерно одно место со злым гением мистером Блоххом. Полли Трикк ждало несколько часов ужасного и невыносимого... что там люди делают на чаепитиях? Точно Натаниэль Доу не знал, так как никогда не наносил визиты подобного характера.

– Но ты мог остаться дома, – заметил доктор. – Необязательно было идти со мной.

Джаспер хмыкнул.

– И пропустить все на свете? Нет уж!

– Это просто посещение больных. Ничего любопытного не предвидится.

– Нет, это не просто посещение, – возразил Джаспер. – Я же знаю, что ты называешь тварями прожорливые болезни, с которыми никто не может справиться.

– Подслушивать, прячась на лестнице, нехорошо, Джаспер, – проворчал доктор. – Мы с тобой очень серьезно поговорим об этом позже.

Мальчик решил сменить тему:

– Нам еще долго? – Он завертел головой, озираясь по сторонам. – Я совсем не вижу, куда мы идем... Мы вообще где? Еще в Габене?

– Разумеется, мы еще в Габене, – ответил доктор, и племянник вздохнул: кажется, дядюшка никогда не научится улавливать иронию. – Трамвайные пути обычно прокладывают в городах.

Джаспер опустил взгляд и увидел почти вросшие в брусчатку рельсы, о которых говорил дядюшка.

– Это старая ветка, которая в прежние времена доходила до канала, шла через Балковый мост и вела во Фли. Мы на улице Флоретт. – Доктор Доу остановился. – Видишь дверь с почтовым ящиком? Подойди к ней и прочитай, какой там указан номер на табличке.

Джаспер бросился исполнять поручение. Вскоре он вернулся и сообщил:

– Восьмой!

– Нам дальше...

Улица Флоретт была очень узкой: верхние этажи ее домов нависали прямо над мостовой, а стены нижних почти вплотную подступали к путям. И как только здесь мог протиснуться трамвайный вагон? Ржавыми арками тут и там поперек улицы проходили изогнутые трубы, похожие на рукава старых пальто. Мостовую давно не убрали: повсюду валялись обрывки газет, консервные банки и сломанные куклы.

В стоящей кругом тишине порой вдруг раздавался скрип, чиркала спичка, где-то открывалась дверь, еще где-то звучал характерный хруст помех, когда трансляция по радиофору соскакивала на сплошной шум. А потом все это смолкало. Чтобы еще через пару минут прозвучать снова.

Туман лишь подыгрывал воображению Джаспера, и в какой-то момент мальчику показалось, будто вся улочка делает вдох, замирает на миг, а потом выдыхает. Флоретт представлялась ему сонным меланхоличным существом, тревожить которое крайне не рекомендуется.

– А почему здесь больше не ходит трамвай? – спросил Джаспер. – Это из-за того, что мост сломан?

Доктор уже задумался о чем-то своем и не услышал вопрос.

– Дядюшка?

Натаниэль Доу вздрогнул и повернул голову к племяннику.

– Да, Джаспер?

Мальчик с подозрением на него уставился.

– Ты уже раздумываешь об этом деле? – Дядюшка не ответил, и Джаспер добавил: – Ты ведь прежде не сталкивался с болезнью, о которой рассказала мисс Браун?

– Нет. Это очень любопытный случай.

Джаспер усмехнулся.

– Сколько у тебя там уже побежденных тварей – в твоём дневнике славных побед и великих свершений?

Доктор Доу предсказуемо нахмурился. А затем предсказуемо уточнил:

– Это никакой не дневник славных побед и великих свершений. Это мой рабочий журнал. И в нем описаны девять побежденных болезней, над которыми безуспешно бились лучшие умы Больницы Странных Болезней и даже Хирург-коллегии Университета ран и швов.

– И ты говоришь, что это никакой не дневник славных побед? – Джаспер рассмеялся. – С чего ты обычно начинаешь свою охоту на тварей? И вообще, почему именно твари? Болезни ведь не живые...

– Ты так уверен? – едва слышно спросил доктор Доу. Его слова прозвучали очень мрачно, даже зловеще, и мальчику стало не по себе. – Я начинаю, как ты выразился, охоту с того, что собираю симптомы.

– Прямо как сыщик, который ищет улики!

Доктор Доу продолжил:

– Симптом – это кончик щупальца, который врос в свою несчастную жертву. И я следую по этому щупальцу туда, где прячется тело самой твари – источник болезни. Или же очаг, если твари расплодился. Затем я выясняю, что именно это за тварь, и ищу способ, как ее уничтожить. Я просто следую по щупальцу... Просто следую... по щупальцу...

Дядюшка снова погрузился в раздумья, а Джаспер раздраженно засопел: по его мнению, вот так выключаться посреди разговора было очень вредной дядюшкиной привычкой, и он с удовольствием излечил бы ее при помощи каких-нибудь пилюль из дядюшкиной же коллекции. Но долго злиться ему не пришлось.

– Улица закончилась, – заметил он.

– Что?

На двери последнего оставленного за спиной дома стоял номер «11». Больше домов на улице Флоретт не было. Как, впрочем, и самой улицы.

Доктор и его племянник вышли на пустырь. Во мгле вдаль проглядывали фермы и строила обрушенного Балкового моста, рядом с которым темнели очертания заброшенной трамвайной станции. Рельсы вели именно к ней.

– Нам ведь нужен дом № 12? – спросил Джаспер.

– Мы к нему и идем.

Доктор Доу кивнул на что-то впереди.

Джаспер сперва не понял, на что дядюшка указывает, но спустя несколько шагов наконец увидел.

В прогалинах между лоскутами тумана мальчик различил дом – узкое бурое строение, от первого и до четвертого этажа обмотанное ржавыми трубами. Из двускатной черепичной крыши во множестве торчали дымоходы, под карнизами кое-где висели фонари, но ни они, ни окна не светились.

Дом № 12 был очень старым и за годы своего пребывания у канала будто бы даже ссутулился. Он стоял в самом центре пустыря, словно прочие дома на улице Флоретт попросили его удалиться, – от него буквально веяло запредельным всепоглощающим одиночеством.

Джаспер зябко поежился.

– Неуютное местечко, правда? – спросил он. – Настоящая дыра. Уверен, там живут лишь угрюмые и ворчливые люди.

– Дом как дом, – ответил скучный дядюшка. – Он выглядит точно так же, как и половина домов в Тремпл-Толл. О чем нам это говорит?

– О том, что половина Тремпл-Толл – дыра? – предположил Джаспер.

– Это говорит о том, что никогда не знаешь, кто на самом деле там живет.

Они подошли к дому № 12, и Джасперу показалось, будто его тень навалилась на них полотнищем, под которое прячут ненужную мебель. Вблизи это строение выглядело еще более удручающим: облицовка кое-где обвалилась, и под ней проглядывали кирпичи, краска на двери подъезда потрескалась, плафон фонаря над входом был разбит, под стенами зеленели лужи.

Справа от подъезда стоял невероятно дряхлый «Трудс». Клетчатый коричневый экипаж будто уже пару десятилетий не запускался: трубы проржавели, как и спицы колес, стекла почернели от копоти. Он походил всего лишь на отросток этого сутулого дома.

– Мисс Браун должна встречать нас у входа, – сказал доктор Доу, – но что-то я ее...

Его слова прервало фырканье выхлопных труб, раздавшееся вдруг во мгле. Туман у угла дома чуть покраснел из-за специфического дыма химврастопки, и затем появилась утренняя гостья в твидовом платье и коричневом пальто. Покачиваясь на паровых роликовых коньках, она покатила к доктору и его племяннику.

Китти Браун Джасперу нравилась: она казалась ему очень милой и доброй. А еще Джаспер знал, что она работает посыльной в кондитерских лавках: он был сладкоежкой, и все свя-

занное со сладостями вызывало у него трепет. Мальчик высматривал у Китти Браун коробочки с пирожными, но сейчас их при ней не было, что его несколько огорчило.

– Доктор! – воскликнула девушка, подъехав к ним, но тут же вздрогнула и продолжила уже тише: – Вы здесь. Я боялась, что вы не придете.

– Добрый день, мисс Браун. Это мой племянник Джаспер.

Китти улыбнулась.

– Мы знакомы.

– Да, мисс, – кивнул Джаспер. – Вы приходили к Полли.

– Зови меня Китти, – сказала девушка. Она хотела еще что-то добавить, но вдруг замерла и резко обернулась.

Дверь открылась, и из подъезда вышел мужчина в котелке и похожем на военный мундир черном пальто с двумя рядами блестящих пуговиц. На вид ему было около тридцати лет, но из-за тоски в полуприкрытых глазах, поджатых губ и впалых щек он выглядел существенно старше.

– Добрый день, мисс Браун, – сказал обладатель черного пальто, увидев Китти. Доктора и его племянника, поправив темно-красный шарф, он поприветствовал коротким кивком.

– Добрый день, капитан Блейкли, – ответила девушка, и на ее губах появилась смущенная улыбка. – Как ваше сердце сегодня?

– По-прежнему разбито.

Китти с сочувствием покивала.

Джаспер глядел на нее во все глаза. Он сразу же понял, что подруга Полли влюблена в этого джентльмена. И судя по всему, влюблена безответно. Дядюшка, разумеется, ничего не заметил: в отношении некоторых вещей он был совершенно слеп.

Капитан Блейкли закашлялся, шмыгнул носом и сказал:

– Боюсь, мне нужно идти. Хорошего дня, мисс Браун. Господа...

Когда он скрылся в тумане, Китти с грустью пояснила:

– Это капитан Блейкли из двенадцатой квартиры. Он честный и благородный человек с незавидной и очень печальной судьбой. Капитан служил в парострелковом корпусе. Их взвод должен был отправиться в Белор, и перед отбытием прямо на вокзале он сделал предложение руки и сердца своей возлюбленной. Она ответила согласием. Эх, это была бы очень романтическая история, но возлюбленная капитана не дождалась его из похода – по возвращении он обнаружил, что она стала женой какого-то чопорного адвоката из конторы «Гришем и Томм». С тех пор капитан безутешен.

– Я заметил у него описанные вами симптомы, мисс Браун, – сказал доктор.

– Да, он тоже заболел. А у вас... – Китти вдруг прервала себя и стыдливо потупилась. – У вас случайно нет лекарства от разбитого сердца?

Доктор Доу поднял бровь и пристально поглядел на девушку.

– Разумеется, есть, но, боюсь, вам не понравятся побочные эффекты, мисс Браун. Среди них: слепота, повышенная душевная черствость и кровотечение из-под ногтей.

Китти содрогнулась и тряхнула головой, пытаясь развеять описанную доктором картину. После чего сказала: «Прошу за мной» – и нырнула в подъезд.

Доктор выключил и сложил зонтик. А затем они с Джаспером последовали за Китти...

...Подъезд дома № 12, как и во всех домах в этой части Тремпл-Голл, представлял собой небольшой холл с ведущей на этажи лестницей в дальнем конце.

Почти сразу же, как Натаниэль Доу и его племянник вошли, их внимание привлек невысокий постамент в центре холла, на котором стоял стеклянный футляр. Под футляром рос цветок.

Как бы равнодушно ни относился доктор Доу к цветам, да и вообще к растениям в целом, даже он не мог не признать, что ему открылось поистине удивительное зрелище, которое ни за что не ожидаешь увидеть в подобном месте.

Отдаленно этот цветок походил на лилию. Кроваво-красные лепестки с бордовой бахромой чуть заметно шевелились на тонком изогнутом стебле, а растущие кругом стебельки поменьше вились и закручивались спиралями. Под стеклянным куполом футляра в воздухе парили золотистые искорки пыльцы.

– Ух ты... – восторженно прошептал Джаспер.

Китти проехала на своих роликах вокруг постамента.

– Старый домовладелец, мистер Карниворри, испытывал страсть к редким цветам, – сказала она. – Он привозил их из дальних стран, ухаживал за ними и даже построил для них небольшую оранжерею за домом. Но он давно умер, и за растениями стало некому ухаживать. Все они завяли. Но только не она.

– Почему «она»? – спросил Джаспер.

Китти пожала плечами.

– Не знаю, как этот цветок называется по-научному – мы зовем его мисс Руби, потому что... Ну, он красный, как рубин. На моей памяти мисс Руби всегда здесь росла, и она почти всегда цветет. Бабушка говорит, что это из-за футляра: он не дает цветку стареть и болеть. В толк не возьму, как до сих пор никто из местных не украл его и не попытался продать. Пойдемте?

Доктор еще раз оглядел необычный цветок, но Джасперу показалось, что больше его интересует футляр. Приблизив лицо почти вплотную к стеклу, дядюшка кивнул, как будто что-то отметил для себя.

– Мы живем на последнем этаже, – сказала меж тем Китти Браун, ткнув пальцем вверх.

Джаспер машинально поднял взгляд и увидел нечто удивительное: весь потолок – по крайней мере, видимая его часть – был покрыт росписью: из темноты по углам выползали лозы, сплетающиеся и разветвляющиеся. От лоз, в свою очередь, отрастали листья. Роспись походила на гравюру из какого-нибудь ботанического справочника, но при этом она была вырисована невероятно реалистично: казалось, что, если где-то хлопнет дверь и поднимется сквозняк, эти листья затрепещут.

– Пойдем, Джаспер.

Мальчик с трудом оторвал взгляд от растения на потолке и пошагал следом за дядюшкой.

Рядом с лестницей темнела дверь с потускневшей от времени цифрой «1». Возле двери этой стояла общая вешалка для верхней одежды – дань устаревшей традиции, которая некогда была широко распространена в Саквояжном районе и которой давно никто не следовал. Почти никто. Такие вешалки сохранились во многих подъездах Тремпл-Толл, но стояли они пустыми, – лишь порой на какой-нибудь из них мог повеситься очередной бедолага. На этой же висело несколько пальто, а на верхушку были надеты три дамские шляпки и пара котелков.

На лестнице свет не горел.

Прежде чем начать подъем, Китти Браун наклонилась и выключила роликовые коньки; паровые котелки затихли, дымок лениво закурился на концах труб. Держась обеими руками за перила и переставляя ногу за ногой, девушка принялась взбираться по ступеням. Было видно, что ей очень трудно – она передвигалась медленно, а ролики постоянно уезжали у нее из-под ног, отчего казалось, что она вот-вот упадет.

У Джаспера защемило в груди от этого зрелища. Доктор Доу предложил мисс Браун помощь, но та возмущенно покачала головой: сама! только сама!

Они поднялись выше. На площадке между первым и вторым этажами на стене висел старый, покрытый пылью портрет. В полутьме можно было разобратить, что на нем изображен немолодой джентльмен с широкой челюстью и вислыми бульдожьими щеками. Чуть трону-

тые сединой вьющиеся волосы переходили в пышные бакенбарды, над прищуренными глазами нависали кустистые брови. Взгляд этого господина был преисполнен подозрительности.

– Это мистер Карниворри, – сообщила Китти и доверительно шепнула Джасперу: – Мне все время кажется, что он следит за мной, когда я прохожу мимо.

Мальчик хихикнул, а доктор Доу нахмурился.

– У меня стойкое ощущение, что я знаю этого господина, – сказал он. – Хотя фамилия Карниворри мне не знакома.

Они продолжили путь.

Джаспер начал забрасывать Китти вопросами: видела ли она гигантских блох Фли, прыгающих по крышам домов на другом берегу канала, есть ли на крыше их дома причальная площадка для воздушных шаров, а еще пробовала ли она печенье «Твитти» (его любимое печенье) – и о прочих вещах, которые казались ему невероятно важными.

– Полли говорила, что ты очень любопытный, – улыбнулась девушка и попыталась по очереди ответить на все вопросы мальчика.

Доктор Доу в беседе не участвовал. Он снова погрузился в свои мысли, и все, о чем говорили его спутники, доносилось до него будто откуда-то издалека, из глубины закупоренной бутылки. Доктор глядел прямо перед собой и по ступеням поднимался сугубо машинально, отчаянно напоминая заводного автомата.

Из раздумий его вывел приближающийся сверху звук тяжелых шагов. Вскоре на лестнице показался некий субъект, при одном взгляде на которого Китти Браун вздрогнула и поспешила вжаться в перила.

Мужчина был худ, из-за узкого лица и невыразительного подбородка его мясистый нос с горбинкой казался тяжелым, как колокол. Длинные подкрученные усы торчали в стороны, а мелкие глазки выглядывали из глубоких, будто очерченных чернилами, теней. Господин этот кутался в потертое коричневое пальто, на голове его криво сидел котелок ему в тон.

– С дороги, – злобно глянув на доктора, прорычал незнакомец и сморщил нос, будто учуял что-то отвратительное. И это притом что от него самого разлило гадостной смесью табака «Гордость Грогода» и дешевого джина.

Быстро пройдя мимо, этот неприятный человек скрылся из виду. Хлопнула дверь подъезда.

Только тогда Китти отмерла.

– Это мистер Драббллу из девятой квартиры, – пояснила она, продолжив подъем. – Очень мерзкий тип. Его в доме никто не любит. Въехал несколько дней назад, и бабушка надеется, что он скоро уберется туда же, откуда и прибыл...

Когда они оказались на втором этаже, дверь одной из квартир, скрипнув, приоткрылась. На площадку выглянула женщина средних лет с всклокоченной прической и в больших круглых очках с толстыми стеклами.

– А, это вы, мисс Браун, – сказала она, увидев Китти. – Это вы стучались ко мне?

– Нет, миссис Паттни.

– Но я определенно слышала стук.

– Это топал мистер Драббллу.

– Крайне невоспитанный тип! Прервал наш урок... – возмущенно проговорила миссис Паттни и открыла дверь чуть шире. Китти и ее спутники увидели бледного светловолосого мальчика, стоящего в гостиной перед нотным пюпитром. В руках он держал скрипичный смычок. – Из-за него Тимми сбился и перепрыгнул с бря на моль. Тимми Бейкер очень хороший, но очень рассеянный мальчик. Тимми, поздоровайся.

Но Тимми будто не услышал. Поджав губы, пустым взглядом он смотрел словно бы сквозь доктора и Джаспера – кажется, гаммы вгоняли его в сон.

Миссис Паттни поднесла ко рту платок и кашлянула в него.

Доктор Доу поинтересовался ее самочувствием, но женщина отреагировала странно. Бросив испуганный взгляд на его саквояж, она дрожащей рукой прикоснулась к полосатому шарфу на шее и быстро захлопнула дверь. В городе многие боялись докторов, но это было как-то уж слишком.

– Не злитесь на нее, господин доктор, – вступилась за соседку Китти. – У миссис Паттни свои причуды, но она добрая женщина: не каждый станет бесплатно обучать детей бедняков музыке.

– Поразительная щедрость как для Габена, – согласился доктор.

– Выходит, она тоже заболела, – с грустью вздохнула Китти...

Вскоре они наконец поднялись на последний этаж.

Через небольшое полукруглое окно проникало немного света, но его хватало, чтобы различить чемоданы, выстроенные стопками до самого потолка, пару сундуков и ящик, доверху наполненный старой обувью. В чернеющем углу напротив лестницы стояла еще одна вешалка; на ней висели пальто и шубы, котелки и дамские шляпки, среди всех этих вещей выделялись темно-синяя форма и высокий полицейский шлем.

Подкатив к обшарпанной двери с бронзовым номерком «14», Китти достала из кармана ключ и открыла ее. После чего поманила спутников за собой в прихожую.

Полутьма на этаже будто бы плавно перетекала в полутьму квартиры. Китти шепотом объяснила, что они с бабушкой почти никогда не раздвигают гардины на окнах и днем газ не жгут. Несмотря на то что все лампы были погашены, доктор и его племянник разобрали, что прихожая, в которой они оказались, переходит в длинный, заставленный шкафами коридор, который вроде как упирается в лестницу. На стенах висели какие-то картины, но рассмотреть, что на них изображено, было практически невозможно. Пахло в прихожей ваксой, средством от моли и крепким цветочным парфюмом.

– Бабушка! – позвала Китти. – Это я! Я привела доктора!

На пороге гостиной появилась... бабушка, и Джаспер вдруг ощутил прошедший по спине холодок, словно хозяйку квартиры принесло не иначе как сквозняком.

Доктору и его племяннику предстала сухая дама в платье с турнюром, узким воротником и тесными рукавами. Ее серебристые волосы были собраны в высокую старомодную прическу из таких, которые давно в городе не носили, – впрочем, та добавляла своей обладательнице величественности. И длинный шарф, которым обмоталась хозяйка квартиры, нисколько эту величественность не нарушал.

Лица мадам видно не было, и не в меру впечатлительный Джаспер тут же представил, будто у нее и вовсе нет никакого лица, а на его месте – клуб дыма или сгусток чернил.

– Мое почтение, мэм, – начал доктор, шагнув к бабушке Китти, но та резко подняла руку, прерывая его и останавливая.

– Кто вы такие и что вам нужно?

– Бабушка, это доктор Доу, – пискнула Китти. Кажется, она уже пожалела, что посмела привести посетителей без спроса. – Он пришел, чтобы...

Миссис Браун едва заметно качнула головой, но этого хватило, чтобы девушка замолчала и попятилась.

– Ваши услуги не требуются, – проговорила грозная дама не терпящим возражений тоном. – Попрошу вас покинуть мою квартиру.

Джаспер распахнул рот: он не ожидал, что их вот так, сразу же, попытаются выгнать. Его дядюшку в то же время слова мадам, казалось, нисколько не смутили – и правда, еще по оговоркам Китти он составил себе примерную картину того, с чем ему предстоит столкнуться.

– Мэм, ваша внучка сообщила нам о болезни, которая разгуливает по этому дому, – сказал он хладнокровно. – Если мы не примем меры...

– В этом городе люди часто болеют, – заметила бабушка Китти. – Но это не повод для вторжений.

– А как же вы, мэм? Вы ведь тоже больны... Меня беспокоит ваше самочувствие.

Миссис Браун вскинула подбородок.

– Если мое самочувствие ухудшится, я вызову *своего* доктора. Доктора, который лечит всех жильцов в нашем доме.

– У вас есть свой доктор? – искренне удивился Натаниэль Доу. – Мисс Браун ни о чем подобном не упоминала.

– Видимо, забыла по глупости! Нас посещает почтенный джентльмен из Больницы Странных Болезней, не откуда-нибудь!

– Могу я узнать его имя?

– Доктор Степлл.

Доктор Доу решил, что ослышался.

– Степлл? Но как? Почему именно он?

Миссис Браун, казалось, утратила всяческое терпение.

– Я требую, чтобы вы немедленно удалились! – воскликнула она. – Немедленно! Немедленно!

Доктор и его племянник и не заметили, как оказались за порогом. Китти лишь успела попросить у них прощения, после чего дверь захлопнулась.

Джаспер уже собрался было во всех выражениях, которые так не любит его дядюшка, возмутиться подобному обхождению, но почти в ту же секунду произошло нечто столь пугающее, что он дернулся и вместо какого-то емкого ругательства издал испуганное «Ой!».

Один из костюмов на вешалке в углу повернулся, и оказалось, что никакой это не костюм, а хмурый констебль собственной персоной. Судя по всему, это был тот самый мистер Шнаппер, о котором рассказывала Китти, – но почему он стоял в углу все это время? Он там прятался? Выжидал?

Вокруг шеи констебля в несколько слоев был намотан форменный синий шарф, но тот, видимо, не особо помогал согреться: лицо мистера Шнаппера было сизым, губы – чуть ли не белыми, а нос, напротив, покраснелся и распух. Подкрученные усы полицейского походили на двух пиявок, примостившихся у него под носом, пышные брови были расчесаны и напояжены, словно являлись какой-то его гордостью, несмотря на то что выглядели довольно уродливо.

– Что за шум здесь стоит? – раздраженно осведомился констебль и надвинулся на возмутителей спокойствия, угрожающе поправляя белые перчатки.

– Мое имя Натаниэль Доу, я доктор, – представился дядюшка Джаспера. – Мы пришли из-за болезни, от которой страдают жильцы вашего дома.

– Никаких докторов пришлых нам здесь не надобно! – ответил констебль. – У нас есть свой доктор – проверенный малый, а не какой-то... Обойдемся. И вообще, болезням не пройти, раз я стою на страже порядка, ясно?!

– Но, сэр...

Констебль разразился приступом чудовищного кашля. При этом он даже не прикрывал рот рукой и будто бы намеренно пытался как можно сильнее обкашлять этих чужаков.

– Позвольте предложить вам хотя бы пилюли от кашля и...

– Не требуется! – рявкнул мистер Шнаппер. – И нечего тут мимикрировать под добренького, уж я-то хорошо знаю, что собой представляют подобного рода «добродетели». Вечно суются всюду со своими пилюльками да порошочками, пытаются их всучить, чтобы потом втюхать еще больше пилюлек да порошочков, но уже от побочных, вызванных первыми. Нам такого не надобно!

Доктор возмутился:

– Но я ничего не продаю, я просто хочу вам помочь!

– Вы поможете, если уберетесь вон из этого дома. Здесь и так летает слишком много мух. Констебль ослабилась и со злорадством кивнул на лестницу.

Доктор наделил мистера Шнаппера долгим пристальным взглядом, от которого даже Джасперу стало страшно.

– Мое почтение, – холодно сказал Натаниэль Доу, и они с племянником направились вниз.

Преодолев дюжину ступеней и спустившись на площадку, Джаспер повернул голову. Констебль стоял на самом краю этажа, смотрел на него не моргая. Замершая наверху громадина в мундире и шлеме выглядела так жутко, что мальчик вздрогнул и припустил за дядюшкой, который уже завернул на следующий пролет.

– Вот хмырь, – прошептал Джаспер. – А старуха?! Я же говорил, что здесь живут одни лишь...

– Не сейчас, – прервал его дядюшка.

Когда они оказались на втором этаже, доктор Доу вдруг остановился и поспешно раскрыл саквояж. Достав оттуда крошечную пустую склянку, он наклонился и набрал в нее немного пыли, лежащей под одной из ступенек.

Джасперу было любопытно, зачем ему эта пыль, но он понимал, что с вопросами стоит повременить. Хотелось поскорее оказаться как можно дальше отсюда: в его воображении сами стены этого негостеприимного дома таили в себе угрозу, тени в углах шевелились, а из-под потолка словно что-то тянуло к нему свои уродливые отростки.

Спустившись на первый этаж, они быстро прошли через холл. Джаспер бросил короткий взгляд на цветок в футляре, тот больше не казался ему красивым. Мисс Руби повернула к нему бутон и колыхнула лепестками, будто бы язвительно махая на прощание: «Не споткнитесь о порог. Скоро увидимся...»

Ни Джаспер, ни доктор Доу не заметили блеснувшую на миг линзу наблюдавшего за ними перископа. Труба тянулась в темноту под сводами холла, изгибалась там и исчезала за стеной квартиры с цифрой «1» на табличке.

Выйдя из подъезда, доктор раскрыл зонтик и, запустив винт пропеллера, пошагал прочь от дома № 12 через пустырь. Племянник не отставал.

Они не прошли и двадцати футов, когда Джаспер вдруг почувствовал что-то за спиной, обернулся и похолодел: дом словно нависал над незваными гостями, грозя завалиться и погрести их под собой. Но его испугало отнюдь не это.

В каждом окне чернели фигуры жильцов. И все эти жильцы глядели на них.

Когда они вернулись домой, Полли уже была там. Устроилась в кресле у камина и с унылым видом почесывала сидящую у нее на коленях Клару.

– Ну наконец-то! – раздраженно воскликнула она, стоило им появиться в гостиной.

Полли глядела на доктора и его племянника с легко читаемой обидой на весь мир в глазах. Такой уставшей, если не сказать выжатой, Джаспер ее еще не видел.

Доктор сразу же направился к варителю.

– Мне срочно требуется кофе. Вы что-нибудь будете, мисс Полли? Быть может, – он сделал выразительную паузу, – чаю?

Кто-то, кто плохо знал доктора Доу, мог бы решить, что он пошутил. Но этот человек представлял собой хмурость как она есть и никогда не улыбался, а еще он принципиально разграничивал шутки и колкости.

Полли в любом случае было совсем не до смеха.

– Нет уж, благодарю! С меня на сегодня, пожалуй, хватит чая. Никогда не думала, что чаепитие может быть настолько удручающим. А чай с привкусом нафталиновых сплетен – это худший чай на свете!

– Знакомство с миссис Баттори прошло неудачно? – сочувственно спросил Джаспер, плюхнувшись на диван. Сам он точно не пережил бы общество лучшей подруги их экономки, учитывая, что он о ней слышал.

Полли надела на него тяжелым взглядом.

– Эта миссис Баттори... – Она понизила голос, чтобы тетушка, которая как раз готовила ужин на кухне, не услышала. – Когда Глория Баттори начала мне поименно демонстрировать свою коллекцию чучел собак, я подумала, что вот-вот сойду с ума. У нее даже есть дохлая псина по кличке доктор Доу – самая плешивая, поеденная молью и жалкая собачонка из всех... Кажется, вы у нее на особом счету.

– Мы с миссис Баттори... – поморщившись, начал доктор, но Джаспер закончил за него:

– Заклятые враги! – Он рассмеялся. – Они заклятые враги, Полли.

– Я хотел сказать: «В весьма прохладных отношениях».

Джаспер подмигнул Полли, и та улыбнулась. А потом ее улыбка увяла.

– Миссис Баттори угостила нас тортом к чаю. Но даже уличный голубь поглядел бы на эти крошки с презрением и сказал бы: «Нет уж, благодарю, я лучше полечу в парк и подожду какого-нибудь старика с черствой краюхой». А как она обращается со своим домашним автоматом Джеромом! Не удивлюсь, если когда-нибудь бедняга устанет от подобных унижений и испортит ей омлет. Подсыпав в него яд.

Джаспер усмехнулся, а доктор принялся занудничать в своей дотошной манере:

– Вы преувеличиваете. Не знаю, как в Льотомне, мисс Полли, но здесь автоматы не способны причинить вред своему хозяину. К тому же это просто машины, они не замечают того, как к ним относятся люди.

Полли закатила глаза и продолжила жаловаться:

– Эта старуха перемыла косточки едва ли не всем, кто живет в Тремпл-Толл. Не забывая вставлять унижительные воспитательные замечания – в чей бы вы думали адрес? Разумеется, в адрес «мисс Полли, платье которой недостаточно строгое, и сама она вульгарная, как портовый маяк»: ей не понравились мои туфли, моя прическа и даже мой нос – она посоветовала что-то с ним сделать, потому что «на него нельзя глядеть без слез».

Джаспер гневно засопел: по его мнению, нос Полли был очень красивым, как и она вся. Что эта миссис Баттори себе позволяет?! Пусть лучше сделает что-то со своим собственным носом!

– «Нельзя глядеть без слез», – повторила Полли, – вы представляете?

– Она плакала? – удивился доктор.

– О, я бы этого хотела! Но она прослезилась, лишь когда демонстрировала свои росянки и мухоловки в горшках на окне, они у нее почти все завяли. Неудивительно! Их потравила ее невыносимая склочность.

– Старая гримза! – возмутился Джаспер.

– Джаспер! – одернул племянника доктор. – Это очень грубо! Ты не должен использовать подобные выражения в отношении дамы – даже той, которая тебе не нравится.

– Да? – Джаспер со злостью поглядел на дядюшку. – А ты назвал одну из побежденных тварей-болезней Зловредной червоточинностью миссис Баттори.

– Это другое, – сказал доктор Доу и взял в руки чашку свежесваренного кофе. В гостиной поселился запах корицы...

...Мрачный дом у канала благодаря Джасперу обрастал все более зловещими подробностями, а Полли слушала его, затаив дыхание, и даже вздрагивала и морщилась в особенно неприятные моменты.

Доктор тем временем был занят более прозаичными вещами, а именно составлением писем. И пусть по содержанию и общей лаконичности они больше походили на записки, Натаниэль Френсис Доу был не настолько легкомысленным, чтобы писать последние. Только серьезная деловая корреспонденция – никаких записок, открыток, заметок на полях! Исключение составляли лишь срочные инструкции в опасных для жизни ситуациях, когда время не терпит...

Сейчас же время терпело. Более того, оно ползло с сонной неспешностью, поэтому повода изменять привычному, устоявшемуся за годы порядку не было.

Два идеально сложенных листка бумаги переместились в конверты, которые затем были аккуратнейшим образом запечатаны, по всем правилам подписаны и переправлены в нутро двух капсул пневматической почты. С промежутком в минуту труба проглотила обе капсулы.

Отправив свои послания, доктор прислушался к рассказу Джаспера и укоризненно покачал головой: племянник был слишком уж впечатлительным мальчиком. Пока что подходящего лекарства от его впечатлительности доктор Доу не нашел.

Джаспер меж тем во всех красках живописал сам дом, рассказал о сломанном мосте и заброшенной трамвайной станции возле него, особое внимание уделил цветку в холле и портрету на лестнице. Затем он как следует прошелся по грубияну-жильцу, которого в доме никто не любит, описал смешные очки учительницы музыки и ее несчастного ученика, который от занудных нот впал в летргию...

– Летргию! – машинально исправил дядюшка и, подойдя к книжному шкафу, принялся искать что-то на одной из полок со справочниками. – Мне печально слышать от тебя подобные оговорки, Джаспер. Еще печальнее, что ты склоняешься к летаргии ученика миссис Паттни, в то время как он был ближе к сопорозному состоянию...

Джаспер подмигнул Полли и прошептал:

– Не представляю, что это. – После чего продолжил – с заметно менее веселым видом: – Но все было еще ничего, пока мы не встретились с этой старухой, бабушкой Китти. Ты бы видела, как она разозлилась, когда мы пришли! Я думал, она вцепится дядюшке в лицо своими когтями. Да, у нее точно есть когти. Я их почти даже рассмотрел!

– Китти передавала мне приглашение на чай от миссис Браун, – сказала Полли. – Но второго такого чаепития, как было сегодня, я не вынесу. Особенно если эта мадам хоть немного соответствует тому, как ты ее описываешь. Китти всегда говорит о бабушке очень почтительно – мне показалось, что она ее боится.

– Я бы ее тоже боялся, – согласился Джаспер. – Ну, если бы она была моей бабушкой. А так она не показалась мне особо страшной. – Мальчик приврал, пользуясь тем, что Полли не сможет узнать, как он застыл от одного вида старухи, а все его конечности словно бы отмерли. – Хуже всего, что мы вообще ничего не узнали, потому что она прогнала нас.

– Думаю, бедной Китти очень стыдно из-за того, что так вышло. Надеюсь, миссис Браун не сильно на нее злится.

«Еще как злится! – подумал Джаспер. – Эта отвратительная старуха запросто могла запеть Китти в чулане или даже ударить ее». Свои мысли он, впрочем, озвучивать не стал и вместо этого рассказал о констебле Шнаппере.

Когда он заговорил о злобном полицейском, дядюшка отвлекся от поисков справочника и обернулся:

– Тебе он не показался... странным? Мистер Шнаппер.

Джаспер не думал ни секунды.

– Не странным, а страшным. Когда он повернулся к нам, у меня чуть сердце через нос не выпрыгнуло! Да-да, я знаю, дядюшка, что это невозможно с медицинской точки зрения. Но этот Шнаппер! Ты видел его зубищи? А глазищи? А ручищи?

Доктор Доу покивал своим мыслям и вновь повернулся к полке. Наконец найдя требуемую книгу, он погрузился в нее с головой. Зашуршали страницы.

– Болезни неясного происхождения с расплывчатой многообразностью симптоматики... – пробормотал доктор задумчиво.

– В общем, все это очень таинственно, – попытожил Джаспер. – Болезнь, которой болеют жильцы... Откуда она взялась? Болезни ведь просто так из ниоткуда не возникают. Нам нужно вернуться туда и все разузнать как следует.

– А вы не боитесь заразиться этой странной инфлюэнцей? – спросила Полли.

– Это не инфлюэнца, – сказал доктор Доу.

Полли удивилась:

– Вы уже знаете, что это?

Доктор достал из кармана склянку – ту самую, в которую он собрал образец пыли в доме, но ничего объяснить не успел: раздался свисток пневмопочты, сообщая о том, что пришло послание.

Захлопнув книгу, Натаниэль Доу направился в прихожую.

Полли поглядела на Джаспера, но тот лишь пожал плечами.

– Я тут подумала, – сказала она, – ты прав: болезни не берутся из ниоткуда. Но откуда-то ведь эта не-инфлюэнца должна была взяться. Китти говорила, что жильцы начали болеть несколько дней назад, так? Мне кажется, кто-то принес туда эту болезнь и заразил остальных.

– Обычно так и происходит, – кивнул Джаспер. – Можно просто чихнуть – и болезнь запрыгнет на очередную жертву.

– Я не совсем то имела в виду, – покачала головой Полли.

Датчик на почтовой трубе снова засвистел. Прибыла еще одна капсула. А затем дядюшка вернулся в гостиную, весь его вид при этом выражал сосредоточенность и таинственность.

– Я буду вынужден скоро уйти, – сказал он. – Кеб прибудет через полчаса.

– О! – Джаспер с восторгом соскочил с дивана. – Охота на тварь начинается!

– Боюсь, на этот раз тебе придется остаться дома, Джаспер, – остудил пыл племянника доктор. – У меня назначена пара встреч, и я должен пойти на них один.

Джаспер обиженно закусил губу. Он знал своего дядюшку лучше всех и почти всегда догадывался, что тот задумал в той или иной ситуации. Но только не сейчас. Почему дядюшка внезапно решил расследовать тайну непонятной болезни в одиночку?

Доктор Доу прочитал подозрения на лице племянника и поспешил его успокоить:

– Ничего действительно интересного не намечается. Я просто должен кое-что уточнить. Существует вероятность, что в доме на пустыре поселилась вовсе не тварь-болезнь, а обычная болезнь с атипичными симптомами. И в любом случае я все тебе расскажу, как вернусь. Полагаю, это не займет много времени.

– А мне что делать, пока ты будешь все это узнавать? – спросил мальчик.

– Ты можешь заняться чем-нибудь полезным. – Дядюшка прищурился с видом человека, который заготовил какую-то подлость. – К примеру, можешь наконец сесть за уроки.

Джаспер решил, что ослышался.

– Что? – с ужасом прошептал он.

Все это очень походило на наказание. Но он ведь ничего не сделал! Или сделал, но не обратил внимания? У дядюшки и прежде случались приступы подобной маниакальности, и тогда он внезапно заставлял его идти на почту, или полоть сорняки в «мусорном» проходе

за домом, или разбирать чулан, или, как сейчас, безжалостно отправлял учиться. Дядюшка, казалось, намеренно подгадывал момент, когда племянник меньше всего настроен все это делать.

– Ты давно не занимался, – сказал доктор. – Полагаю, сейчас наилучшее время, чтобы наконец изучить эссе доктора Блюмма «О видах и методах наложения швов», которое я оставил у тебя на столе еще две недели назад.

– Это скучнейшее эссе?! – возопил Джаспер.

– Я согласен с тем, что оно было скучным изначально: доктор Блюмм широко известен своей склонностью к пространным рассуждениям. Но когда ты откроешь эссе, то обнаружишь там мои правки и комментарии. Они заметно оживляют монотонность монографии. Никакой скуки.

Джаспер едва не уснул на месте от одной только фразы «монотонность монографии», а что уж говорить о самой работе выдающегося для всех (кроме его дядюшки) светила медицинской науки Габена.

Доктор Доу, к слову, почти всегда пренебрежительно относился к работам коллег, считая их неточными, сквозящими упущениями и во многом противоречивыми, а их создателей – ничего не смыслящими в науке дилетантами и болванами (невзирая на внушительные списки их заслуг).

– А еще я оставил там для тебя загадку, – с видом щедрого дарителя добавил дядюшка. – Ты ведь любишь загадки. Я не исправил одну из несурязиц доктора Блюмма, и тебе предстоит отыскать ее самому. Чем не приключение?

– Всем! – возмущенно бросил мальчик. – Это вообще не похоже на приключение!

– Помимо этого, – продолжил доктор Доу, – я рассчитываю, что ты снова возьмешься за книги. Можешь начать с... – он на миг задумался, – ботаники. Насколько я помню, ты когда-то начинал «Дикие и домашние плотоядные растения» за авторством профессора Берроуза. Прочитай все до седьмого параграфа включительно.

Джаспер просто ненавидел слово «параграф», а еще это была книга со дна стопки на его столе – он уже и забыл о ней.

– Но я прочитал! Давно!

Доктор Доу поглядел на племянника со смесью снисхождения и утомленности, как глядел на ярмарочных шарлатанов с их дешевыми трюками.

– Нет, ты остановился на пятом параграфе. А потом просто переместил закладку. Но я все понял по страничкам и корешку. Так что, будь добр, прочитай еще два параграфа по-настоящему.

– Вот Винки не учит всю эту скучную занудность! – заявил Джаспер, подразумевая своего приятеля, бездомного мальчишку с Чемоданной площади.

– Именно поэтому он и живет на улице, – жестоко проронил дядюшка. И все же он был не прав: у Винки с Чемоданной площади не было дома не потому, что он не учился, а потому, что родители выкинули его из экипажа на ходу посреди Саквояжного района, когда ему было три года.

Джаспер был в отчаянии: у него заканчивались доводы. А когда у него заканчивались доводы, в дело вступало классическое трехактное мальчишеское нытье:

– Но зачем?! Зачем мне эта книжка про какие-то растения?

– Это понадобится тебе в будущем, – убежденно сказал дядюшка и кивнул на журнальный столик, на котором стопочкой лежали выпуски периодического издания «Роман-с-продолжением». – Ты ведь все еще планируешь стать путешественником и исследователем, как мистер Суон из романа?

Этот аргумент дядюшка неизменно приберегал на тот случай, когда племянник отказывался учиться. И это всегда срабатывало: Джаспер мечтал стать путешественником и ни в чем не хотел уступать ходячему энциклопедисту и прожженному авантюристу мистеру Суону.

– Вряд ли мистер Суон тратил столько времени на ненужные книжки! – скорее по инерции заспорил Джаспер, но его слова прозвучали настолько неубедительно, что он и сам это понял.

Впрочем, дядюшка не был бы собой, если бы тут же не возразил:

– Разумеется, он тратил. Мистер Суон неплохо разбирается в естественных науках: без знания ботаники не запустить двигатель при помощи сока листьев пауа, когда твой биплан потерпел крушение на острове посреди океана; без знания зоологии не приманить пузатую обезьяну ру-ру, укравшую рычаг штурвала; без знания астрономии не проложить курс, когда штурмана убили, а приборы сломались; без...

– Я понял! Понял! – воскликнул Джаспер, но дядюшку уже понесло.

– Если бы мистер Суон не читал книги, он и дня не протянул бы в пустыне или на необитаемом острове. Ты спрашиваешь, зачем тебе какая-то книжка про растения? А что, если однажды в глубине джунглей тебя сожрет какая-нибудь мухоловка и ты даже не поймешь, что именно за мухоловка тебя переваривает? Будет обидно.

– Растения не едят людей. Они могут только укусить...

– Ты уверен?

Но Джаспер не был уверен.

– Ну дя-я-ядюшка, – заканючил мальчик. – Только не сейчас. Как я могу делать какие-то дурацкие уроки, в то время как ты будешь охотиться на болезнь?

– Полагаю, вдумчиво и прилежно, – заявил этот безжалостный монстр. – Чтобы все сведения, которые ты почерпнешь, в будущем смогли помочь тебе в твоих путешествиях. Исследователь должен исследовать. И ты, мой друг, отправляешься...

– Исследовать.

Джаспер глянул на Полли с мольбой о помощи, но та молчала и лишь смотрела на него с сочувствием.

Он опустил голову и потопал к лестнице.

– И Джаспер, – остановил его дядюшка. – Надеюсь, ты действительно сядешь за книги. Пока все не выполнишь, никакого участия в расследовании тайны и никакого чтения «Романа-с-продолжением». А как ты помнишь, завтра почтальон должен принести свежий выпуск.

Джаспер глянул на него волком.

– И еще, – добавил доктор Доу. – Я надеюсь, что, пока меня не будет, ты не станешь покидать дом, чтобы встрять в какое-то очередное сомнительное дело. Желательно, чтобы на этот раз обошлось без... – он на миг задумался, как сформулировать, – безрассудства в стиле Джаспера.

Джаспер с тоской открыл книгу. Какое-то время он пытался понять, как дядюшка догадался, что он пропустил параграфы, но это так и осталось тайной.

«Несправедливо! – думал мальчик. – Почему я должен читать гадкую книгу прямо сейчас?! Даже в школе меня так не третировали!»

Джаспер не ходил в школу. Как только он перебрался к дядюшке, тот сразу же забрал его оттуда.

– Школа в Тремпл-Толл – это бессмысленная трата времени, – сказал тогда доктор Доу. – Дети там ничему не учатся, а школьные занятия представляют собой сплошные наказания и бесконечное написание строчек. Никаких по-настоящему полезных знаний там не дают.

Дядюшка поинтересовался, кем Джаспер хочет стать, когда вырастет. Мальчик разрывался между дрессировщиком львов, капитаном дирижабля и путешественником-исследователем. Последнее перевесило.

Он полагал, что дядюшка отнесется к его идее скептически, но на удивление тот отреагировал крайне серьезно.

– Путешественник-исследователь? – задумчиво спросил Натаниэль Доу. – Я-то полагал, что ты хочешь стать мороженщиком, продавцом игрушек или карнавальным зазывалой, как прочие дети. Твой выбор похвален. Вот только вынужден предупредить: исследователи должны быть образованными, они должны знать очень много вещей. Ты довольно смысленный и, благодаря упорному труду, однажды сможешь стать тем, кем хочешь. Но для этого нужно очень много читать. Ты готов читать книги? Не те глупые школьные книги, а сложные взрослые книги. Потому что в ином случае ничего не получится...

Разумеется, Джаспер ответил, что готов, и дядюшка составил для него список требуемых книг. Так началось его домашнее обучение. И это оказалось по-настоящему трудно, ведь Джаспер не обладал усидчивостью. Было много невероятно скучного, было много, по его мнению, никак не связанного с путешествиями: вряд ли ему в путешествиях должны были пригодиться виды болезней затхлых помещений или аптекарские прописи с составами пилюль. Порой ему казалось, что дядюшка исподволь хочет сделать из него вовсе не путешественника, а доктора – такого же, как и он сам. Словно пытается воплотить то, о чем мечтала его сестра – мама Джаспера. Племянник был почти уверен, что дядюшка водит его за нос, и успокаивало лишь то, что Натаниэль Френсис Доу просто не способен на подобный обман. Его предельная, часто до тошноты, честность банально такому противоречила...

С улицы раздался гудок. Джаспер соскочил с кровати и подбежал к окну. Возле их дома, закутанный в туман, стоял кеб. Хлопнула входная дверь, показался дядюшка; при нем были его неизменные саквояж и антитуманный зонтик.

Джаспер скрипнул зубами. Он должен быть сейчас там, а не в своей комнате! От него просто избавились! Списали со счетов! Почему дядюшка отправляется на свои таинственные встречи без него?

И тут его осенило. Уж не потому ли, что на самом деле намечается что-то невероятное, головокружительное и смертельно опасное? Ну конечно! Дядюшка хотел его чем-то занять, пока сам ввязывается в то, что пренебрежительно именовал авантюрами. Умный и скрытный, Натаниэль Доу уже разгадал загадку! Тварь была поблизости! Она вырвалась! И сейчас счет идет на минуты...

Доктор Доу запрыгивает в кеб, велит кебмену гнать что есть мочи, и экипаж срывается с места. Нырнув в туман, кеб несется по переулку. Двигатель гудит, огонь рычит в топке, котел раскален до предела... Время не терпит...

«Быстрее! – думает доктор Доу, глядя в окно. – Быстрее... Ну же»

Подпрыгивая на ухабах, рычащий кеб преодолевает улицу за улицей, а затем вылетает на Бремроук. Кебмен не замечает горящих красным светом семафоров на перекрестках и неистово клаксонирует, веля прохожим убираться с дороги.

«Джаспер не должен ввязываться во все это! Он точно сунется куда не следует и пострадает! И пусть он меня сейчас ненавидит, зато дома ему ничего не грозит...»

Мысли доктора прерывает отчаянный гудок клаксона. Экипаж наталкивается на затоп и резко тормозит. Что-то случилось – там, впереди...

На первый взгляд все выглядит так, будто на другом конце квартала произошла уличная катастрофа. Воют трубы полицейских сигнальных тумб. Пара экипажей перевернута. Туман

смешивается со зловонным черным дымом. Повсюду гнутые трубы и битое стекло. На развороченной брусчатке лежат распростерты тела. Что-то полыхнуло. Раздался взрыв... Это взорвался котел у одного из экипажей? Поблизости потерпел крушение аэрокеб?

Нет! Никакая это не уличная катастрофа. Это кое-что намного хуже. В сотне ярдов впереди в тумане что-то шевелится. Что-то огромное и бесформенное...

Выползший из канализации гигантский монстр шевелит щупальцами с сотнями уродливых присосок. Огромная тварь беснуется и утробно ревет. Она обвивает своими склизкими конечностями фонарные столбы, вырывает их из земли и швыряет в дома, разламывает экипажи, вырывает с корнем гидранты. Загорается высвобожденный газ, вода бьет столбом...

Люди разбегаются в ужасе, даже полицейские несутся прочь, теряя шлемы.

Доктор Доу выпрыгивает из кеба, на ходу доставая из саквояжа ампулу с микстурой. Он заправляет ее в свой антитуманный зонтик и бежит... Бежит к монстру.

Тварь замечает его. Она ревет. Одно щупальце бьет в мостовую рядом с доктором, и камни брусчатки взмывают в воздух фонтаном, другое щупальце пронесется над головой доктора Доу, но он вовремя пригибается. Третье нацелено прямо в него, и он отпрыгивает в сторону в самый последний момент.

Но вот наконец доктор оказывается на достаточном расстоянии от монстра, вскидывает зонтик, как ружье, целится и нажимает на спусковой крючок. Громыкает выстрел, и ампула с микстурой срывается в полет. Она вонзается в смоляную лоснящуюся голову этого кошмарного существа.

Микстура проникает в черную кровь чудовища. Оно дергается и хрипя заваливается набок. Щупальца обвисают. Судорога проходит по всему телу монстра, и он замирает...

Примерно так Джаспер представлял схватку дядюшки с ужасной тварью-болезнью, в то время как он вынужден оставаться дома и учить уроки.

На деле же доктор Доу что-то негромко сказал кебмену и сел в экипаж с таким видом, будто ему некуда торопиться и предполагаемый монстр обождет. Кеб тронулся с места с унылой неспешностью, туман сомкнулся за ним. Переулок опустел...

Джаспер отвернулся от окна и забрался обратно на кровать: снова взялся за свою занудную книжку. Скучнее самих растений, считал он, могут быть только книги о них.

Отыскав пятый параграф «Росьянки и непентесы. Механизм приманивания жертв», Джаспер проверил несколько ближайших страниц – ни одной иллюстрации! Тяжко вздохнув, он принялся за чтение.

«Многие плотоядные растения обладают так называемым механизмом приманивания жертвы. У одних это сладкий, источающий сильный запах нектар, у других – яркий цвет, третьи приманивают добычу при помощи свечения, четвертые же используют для этих целей пыльцу. Особое внимание следует уделить растениям, которые обладают мимикрией...»

– Эй, это ведь то самое слово, которое сказал констебль Шнаппер! Мимикрировать... Мимикрия...

Тут Джаспер вспомнил, что уже слышал это слово прежде. Их с дядюшкой добрый друг мистер Келпи из научного общества приносил его, но, как мальчик ни напрягал память, он не мог вспомнить, что оно значит.

– Вот сейчас и узнаем... – пробормотал Джаспер и вернулся к чтению.

«...растениям, которые обладают мимикрией, то есть подстраиваются под окружающую среду и имитируют внешний вид тех, кем не являются.

Рассмотрим пример Непентеса Глаумана, который притворяется плодовым деревом и подманивает к себе обезьян. В то время

как неосторожная жертва пытается оторвать “плод”, лианы растения набрасываются на нее, опутывают и затягивают в материнский кувшин, где добыча вязнет в липкой жидкости на дне. Средних размеров обезьяну Непентес Глаумана может переварить за несколько часов, после чего готовится ловить уже следующую жертву...»

– Жуть какая, – сказал Джаспер, с удивлением отметив, что прочитанное не имеет ничего общего со скукой.

И все же мыслями он был сейчас не здесь. Джаспер посмотрел в окно, за которым висели ключья тумана.

Интересно, с кем встречается дядюшка? Неужели он действительно привезет неутешительную новость о том, что вся эта тайна и выеденного яйца не стоит?

Нет!

Джаспер чувствовал, глубоко внутри, словно клуб из живых лиан, шевелилось ощущение: все это не просто так; кто знает, вдруг болезнь из того дома на самом деле является самой прожорливой, злобной и опасной тварью из всех, с которыми сталкивался дядюшка. Хотелось так думать...

В дверь постучали.

– Джаспер, это я, Полли! – раздалось из коридора. – Можно войти?

– Да!

Полли открыла дверь и замерла на пороге.

– Он уехал, – сообщила она.

– Да, я видел.

– Я так понимаю, ты сейчас не особо настроен учиться. – На губах Полли появилась каверзная улыбка. – Наверное, все думаешь о странной болезни... Неудивительно. Я тоже не могу выбросить ее из головы. Ее и этот дом возле канала.

Джаспер кивнул, и Полли продолжила:

– У меня появилась одна мысль, которую нужно проверить, и я уже вызвала для нас с тобой кеб. Мне показалось, что ты будешь не против отправиться на улицу Флоретт вместе со мной.

– Ты серьезно?

Полли прищурилась, и улыбка на ее губах стала чуть шире.

– Думаю, пришло время для... «безрассудства в стиле Джаспера». Как считаешь?

Глава 2. О применении шпилек

Младший констебль Джон Дилби нервно прохаживался в тумане у парковой ограды. Он то и дело оправлял мундир, подтягивал манжеты, подравнивал съезжающий на затылок шлем и все равно считал, что выглядит как распоследний олух.

Нервозность констебля была вполне понятной, учитывая, какой трепет, если не сказать потаенный страх, он испытывал перед джентльменом, которого ожидал. Джон Дилби ни в коем случае не хотел, чтобы джентльмен этот считал его неряхой или, хуже того, распознал в нем простофилю.

Блуждая у ограды, констебль уже успел как следует пропитаться сыростью. Он пришел к парку раньше указанного срока и только невероятным усилием воли запрещал себе сейчас доставать карманные часы. Вдруг джентльмен, с которым назначена встреча, подойдет в тот самый момент, как он будет возиться с часами? Что он тогда подумает? Что Джон Дилби куда-то торопится? Что подозревает его в непунктуальности? Или что похуже?

Свет фонаря у входа в парк дрожал. Откуда-то издалека долетали заунывные звуки виолонтубы, и они лишь подзадоривали кошек, которые скребли на душе у констебля Дилби.

На виолонтубе играла местная городская сумасшедшая Глухая Мадлен. Поговаривали, что у нее нет дома, а живет она в старом футляре от контрабаса. Так это или нет, Джон Дилби не знал. Его больше интересовало другое: как глухая может играть на музыкальном инструменте? К примеру, сам констебль глухотой не страдал, но ему нельзя было доверить даже барабан, в то время как музыка, вырывающаяся из-под смычка и из труб Мадлен, была довольно красивой, хоть и весьма безысходной. А еще в ней ощущалось что-то тревожное, угрожающее, словно предрекающее нечто крайне недоброе и...

– Сэр, сэр! – раздался вдруг рядом тоненький голосок, и констебль подпрыгнул от неожиданности.

В тумане появилось мальчишеское лицо. Бледное и заплаканное.

– Чего тебе? – Констебль Дилби подобрался, устыдившись того, что так перепугался какого-то ребенка.

Мальчик протер крошечным кулачком глаза. Он выглядел таким грустным, что Дилби стало его жалко: в отличие от грубых и жестоких коллег, констебль еще не успел очерстветь и покрыться плесенью в Доме-с-синей-крышей.

– Что стряслось, парень?

– Сэр, я потерялся... – жалобно проговорил мальчик. – Пожалуйста-пожалуйста... Помогите мне. Я гулял с няней, но ее нигде нет.

– Что? Как это нигде нет? Где ты ее видел в последний раз?

Дилби заозирался по сторонам и не заметил, как исказилось лицо ребенка, как совсем недетская усмешка тронула его губы.

– Там. – Мальчик ткнул рукой в сторону дома, выходящего окнами на парк. Туман в той стороне был совершенно непроглядным. – Я видел ее там...

– Не бойся, парень, – сказал констебль. – Мы ее найдем. Как зовут твою няню?

– Мисс Лилли. Вы пойдете со мной? Вы сможете найти мисс Лилли?

Констеблю вдруг показалось, что там, куда указывал мальчик, что-то шевелится. И это явно была не няня. Идти туда ему совсем не хотелось.

– Э-э-э... Да... – Дилби попытался совладать с собой, но его ноги будто вросли в тротуар. – Конечно, я только...

– Пойдемте, сэр. Мисс Лилли... Она ищет меня...

В глазах мальчика появился злобный и голодный блеск.

– Наверное, стоит позвать констебля Бэффа, – пробормотал Дилби. – Его сигнальная тумба стоит в парке.

– Нет-нет, сэр. Не нужно никого звать. Пойдемте... со мной... – В голосе мальчика прозвучало нетерпение. – Мне так страшно... Мисс Лилли где-то там... Пойдемте...

– Да-да. – Констебль опустил взгляд и похолодел. Глаза мальчика были совершенно черными!

– Ты... Что это ты?..

Сердце Дилби заколотилось, стало трудно дышать, и он коснулся дрожащей рукой воротника мундира. Рот мальчика был приоткрыт, и констебль увидел его зубы – острые и треугольные, как у капкана.

Мальчик приблизился к застывшему констеблю почти вплотную. Рот-капкан открылся шире...

Раздающиеся в тумане звуки виолонтубы стали еще более скрежещущими и резкими – именно такая музыка сопровождает сцены убийств в аудиоспектаклях.

Джон Дилби увидел свое перепуганное отражение в кромешно-черных глазах, он совершенно забыл, что перед ним ребенок, забыл о своей дубинке на поясе, которой за все время службы ни разу не воспользовался. Он просто глядел, как это жуткое лицо придвигается к нему все ближе и ближе, чтобы...

– Дилби! – раздалось за спиной, и, вздрогнув, констебль обернулся. К нему подошел доктор Доу. – С кем вы говорите?

– Я... э-э-э... с мальчиком...

– С каким еще мальчиком? – спросил доктор, и Дилби с удивлением понял, что ребенок исчез. На том месте, где тот стоял всего мгновение назад, больше никого не было. Будто бы кожей констебль ощутил чье-то разочарование, смешивающееся с белесой мглой.

– Он был здесь... только что.

Доктора Доу между тем никакие мальчишки не интересовали, ему с головой хватало и своего.

– У меня встреча в парке, – сказал он. – Предлагаю поговорить по дороге.

Дилби выглядел сконфуженным и рассеянным и все высматривал кого-то в тумане.

– Вы меня услышали, Дилби?

Констебль дернул головой.

– Да, сэр.

– Замечательно. Пойдемте.

Они направились вдоль ограды. Дилби еще пару раз обернулся, но так никого и не увидел.

У парковых ворот разместилась бордовая будочка старого клоуна, который продавал облепленные мухами леденцы и вислую сахарную вату. Никто все это, разумеется, не покупал, но клоуну, судя по всему, было плевать: он с угрюмым видом читал «Габенскую Крысу» под тяготную карнавальную мелодию, вырывающуюся из ржавого граммофона.

Услышав звук шагов, клоун на миг оторвался от газеты, но, убедившись, что это не его приятель мистер Баллуни, желавший перекинуться с ним парой слов, вновь вернулся к чтению.

Доктор и констебль прошли под кованой аркой с вывеской «Элмз» и направились по центральной аллее, что вела к станции дирижаблей в центре парка.

Плющ обвивал фонарные столбы, отчего те походили на странных косматых существ, замерших по сторонам в молчаливой надменности. Растущие в парке старые вязы скрипели ветвями, хотя не было ни намека на ветер.

Прохожих практически не наблюдалось, и это неудивительно, учитывая погоду. Лишь изредка из мглы, сопровождаемые шурханьем антитуманных зонтиков, выплывали джентльмены и дамы с дорожными сумками, спешащие на станцию или же с нее. Гуляющих не было

совсем, если не считать господина с небольшим спрутом на поводке – тот медленно перебирал щупальцами и оставлял за собой густой чернильный след на темно-зеленой плитке.

Доктор Доу не видел смысла в бесцельном блуждании, которое прочие люди зовут прогулками, но все же признавал, что Элмз – не худшее для этого место. Оно было тихим и спокойным – здесь, как ему казалось, редко случается то, что некоторые называют громким словом «событие».

Его спутник, в свою очередь, косился по сторонам, не ожидая от этого парка ничего хорошего: уж он мог назвать точное количество убийств и похищений, произошедших в Элмз только лишь за последний месяц. К тому же его все еще трясло от мыслей о мальчишке с черными глазами и острыми зубами.

– Полагаю, вы теряетесь в догадках, отчего я просил вас прийти, Дилби, – сказал доктор.

– Да, сэр, – кивнул констебль и заставил себя не думать о жутком мальчишке. – Вернее, нет, сэр. Господин комиссар сообщил, что я поступаю в ваше распоряжение.

– Правильнее будет сказать, что мне нужна ваша помощь, Дилби.

– Конечно, сэр. Я рад, что вы вызвали меня.

На деле констебль вовсе не выглядел радостным. Он знал, что общение с доктором Доу чревато различными неприятностями и, можно даже сказать, нервными потрясениями. Вспомнить только последние дела, с которыми доктор был связан: ловля Черного Мотылька, недавнее ограбление банка и то, отчего у Дилби мурашки сновали по коже, – мрачная история с безумным ученым из Фли. Он предпочитал не ввязываться ни во что подобное и не высовываться без лишней надобности из архива Дома-с-синей-крышей, но господин комиссар выбора ему не оставил.

Что касается доктора Доу, то он, несмотря на свои добрые отношения с господином комиссаром Тремпл-Толл, старался не связываться как раз с полицией Габена, считая ее служащих недалекими, порочными и неблагонадежными людьми. Исключение составлял лишь Джон Дилби, и, несмотря на то что тот был трусоват и не имел стержня, сейчас он мог пригодиться. Ну а с его простоватостью и общей нелепостью Натаниэль Доу мог смириться.

– Что вы можете рассказать о констебле Шнаппере? – спросил доктор, чем вогнал Дилби в ступор.

– Шнаппере?

– Вы ведь знаете его?

– Разумеется. Но я не понимаю... почему вас интересует Шнаппер?

Доктор Доу пожал плечами.

– Сегодня я имел неудовольствие столкнуться с этим господином. И хотел бы узнать о нем побольше. Чего мне стоит от него ожидать?

– Э-э-э... Да, сэр. Шнаппер... – задумчиво пробормотал Дилби. – Его пост находится на Пыльной площади. Он давно служит в полиции.

– У него есть образование?

Дилби покачал головой.

– Не уверен, сэр. В полиции обычно не служат те, у кого есть образование. Вы сказали, что столкнулись со Шнаппером. Он сделал что-то... эм-м... неблагоприятное?

Вопрос был вполне логичным. Полицейские в Саквояжном районе, пользуясь своей властью и безнаказанностью, порой творили такие вещи, что им позавидовали бы и закоренелые преступники.

– Ничего такого, что было бы необычно для констебля, – сказал доктор. – Мне просто кое-что показалось в нем странным.

– Он и правда странный. – Дилби почесал нос. – В Доме-с-синей-крышей его не особо любят. Шнаппер с Пыльной площади считается плохим констеблем – ленивым, неисполнитель-

ным. И хуже того, он не ходит в наш паб «Колокол и Шар». Насколько мне известно, Шнаппер ни разу никому не выставил ни кружки «Синего зайца» – парни ему не доверяют.

– Вы сказали, что он ленивый. В чем это выражается?

Дилби невесело усмехнулся.

– Не уверен, знаете ли вы, сэр, но среди служащих Полицейского ведомства Тремпл-Толл существует негласное разделение на громил, увальней и хитрецов.

Констебль опасался, что доктор поинтересуется, кем является сам Джон Дилби, – вряд ли тот поверит, если сказать ему, что громилы или даже хитрецом. Придется говорить, что увальнем. И все же это всяко лучше, чем признаваться в том, что он не попал ни в одну из категорий и для него создали свою – простофили.

Доктор Доу промолчал, либо проявив такт, либо ему было все равно, и констебль продолжил:

– Так вот, Шнаппер – из громил. Громилы обычно не лентяют, ведь это особенность увальней, которые... м-м-м... Чаще всего это вялые и нерасторопные толстяки с одышкой, они пытаются всячески увильнуть от службы, и их постоянно тянет куда-то присесть или набить себе чем-нибудь брюхо. Громилы же большие любители поактивничать, им даже повод не нужен, чтобы помахать кулаками, выбить кому-нибудь зубы или расквасить нос. Но Шнаппер не из таких. На моей памяти он ни разу никого не арестовал. Прочие констебли притаскивают в «собачник» по паре-тройке шушерников еще до обеда, но он вообще никого не задерживает. И это в то время как Боб Уилмут, другой констебль с его тумбы, регулярно кого-то приводит, хотя второго такого увальня еще поискать. Пыльная площадь – это ведь окрестности Подошвы, там полным-полно всяческой шушеры, да и бродяг различных, как мух...

– Как мух?

– Не знаю, что еще добавить, сэр. Шнаппер нечасто появляется в Доме-с-синей-крышей. Разве что заходит за жалованьем. Старший сержант Гоббин говорит, что больше пользы от фонарного столба и фонарю, в отличие от Шнаппера, платить не надо.

Доктор покивал.

– Послушайте, Дилби, – сказал он. – Мне нужно, чтобы вы приглядели за констеблем Шнаппером.

– Приглядел, сэр? – Дилби нахмурился: ему это все уже не нравилось – попахивало неприятностями и теми самыми нервными потрясениями.

– Негласно. Вдруг вы заметите что-то действительно странное.

– Вы хотите, чтобы я следил за ним?

– Именно это я и хочу. Я полагаю, мистер Шнаппер что-то скрывает. Он связан с делом, которым я сейчас занимаюсь, и, понимаете ли, мне хотелось бы избежать... неожиданностей. Я ведь могу на вас положиться, Дилби?

– Да, сэр, – неуверенно ответил констебль: связываться со Шнаппером у него совершенно не было желания.

– И еще кое-что, – добавил доктор Доу. – Надеюсь, вы понимаете, что все это стоит держать в секрете.

– Я понимаю, сэр.

Они дошли до указателя, на котором значилось: «*Терновая аллея*». Рядом с ним в зарослях колючего кустарника было прорезано нечто похожее на дверной проем.

– Что ж. – Доктор остановился. – Я рад, что не ошибся в вас. Вы создаете впечатление честного констебля, Дилби, а это большая редкость для Тремпл-Толл.

Джон Дилби зарделся.

– Благодарю, сэр.

– Сразу же докладывайте, если вдруг что-то обнаружится.

– Разумеется. Что-нибудь еще, сэр?

– На этом пока все.

– Тогда я, пожалуй, отправлюсь на Пыльную площадь.

– И будьте осторожны, Дилби. Мистер Шнаппер показался мне человеком, склонным к вспышкам ярости и непредсказуемым поступкам.

Констебль кивнул, приставил два пальца к шлему и направился в сторону станции дирижаблей и северному выходу из парка.

Доктор какое-то время глядел ему вслед, после чего повернулся и, нырнув в проход возле указателя, пошел по Терновой аллее...

...Еще издали доктор Доу увидел того, кто его ждал.

Скамейка, у которой была назначена встреча, стояла в тени разлапистого вяза, его длинные изломанные ветви словно бы тянулись к сидевшему под ним человеку.

Джентльмен этот кутался в ношеное пальто, которое, очевидно, не особо помогало от сырости. На голове его был цилиндр, похожий на вылезшую из канализации мокрую крысу, рядом стоял старый, потрепанный саквояж. Весь вид человека на скамейке говорил о том, что он предпочел бы сейчас быть где угодно, но только не здесь. Натаниэль Доу его понимал: он и сам с удовольствием избежал бы этой встречи, если бы мог.

Подойдя, доктор кивнул человеку на скамейке:

– Доктор Степлл.

Ожидавший его джентльмен поднял взгляд и нервно моргнул.

– До... Добрый день, доктор Доу. Рад вас видеть.

Это был просто какой-то день ложной радости.

Доктор Доу опустил на скамейку, и доктор Степлл поежился больше от его присутствия, чем от холода. Казалось, он удержался, чтобы не отсесть, лишь невероятным усилием воли: ему не хотелось показаться непочтительным – все-таки доктор Доу когда-то был его наставником.

Стивен Степлл выглядел больным и сонным. А еще как человек, который последние пять лет безвылазно провел на чердаке. Его тонкие нежные черты лица портили мешки под глазами, морщины на лбу и существенная небритость. В сумме это делало его похожим на престарелого мальчишку. Они виделись всего пару дней назад, когда доктор Доу приходил в больницу за своим пациентом, но с того времени молодой доктор будто бы осунулся еще сильнее.

– Я слышал о том, что произошло после нашей встречи, – сказал Степлл. – В больнице до сих пор ходят слухи – один безумнее другого. Всем запрещено об этом говорить, но... Некромеханик из Фли, подумать только...

– Я стараюсь забыть все это как страшный сон.

– Вы ведь не вернетесь в больницу? – с тоской спросил молодой доктор.

– Никогда.

Бывший ученик отвернулся.

– Как ваши дела, Степлл?

Натаниэль Френсис Доу не любил дежурное общение, но сейчас он интересовался искренне, хоть и испытывал смешанные чувства к этому человеку. Когда-то, если бы его спросили о том, что ждет Стивена Степлла в будущем, он не раздумывая ответил бы, что того ждут великие свершения: прочие так называемые врачи из Больницы Странных Болезней ему и в подметки не годились. Когда-то... Теперь же молодой доктор попусту растрачивал свой потенциал в попытках угодить господину главному врачу больницы, который использовал его чуть ли не в качестве личного слуги.

– У меня все хорошо, сэр, – солгал доктор Степлл: видимо, ему забыли сообщить, что, когда притворяешься, будто у тебя все хорошо, ты не должен выглядеть при этом опустошенным и несчастным.

Доктор Доу решил сменить тему:

– Я тут думал насчет мистера Мермира. О том, как сделать так, чтобы его рыба чешуя вновь стала обычной кожей...

– Я больше не занимаюсь Хрониками, сэр, – резко ответил Степлл. – Вы позвали меня по какому-то делу?

Это прозвучало грубо, и молодой доктор виновато потупился:

– Прошу прощения, сэр, но у меня не очень много времени: доктор Скруллинг рассчитывает, что я куплю для них с миссис Скруллинг билеты в «Эксклюзион». А после этого зарезервирую для него (уже без миссис Скруллинг) столик в «Трех Чулках». К тому же мне еще нужно забрать его обувь у башмачника.

Доктор Доу дернул щекой и поморщился.

– Неужели этот крысоподобный мерзень все-таки проковырял своими когтями обувь?

На миг на губах Степлла появилась тень улыбки.

– Нет, господин главный врач просто стоптал каблуки.

– И как ему это удалось, учитывая, что он почти не вылезает из кресла в своем кабинете?

Мимо прошли два господина в цилиндрах, пальто с пелеринами и при джентльменских фонарях, что выдавало в них жителей Набережных, где туманы и пыльные бури с моря – частое явление. Господа бурно жаловались на то, что вылет «Воблиша» отменили и теперь им придется искать в этой помойной яме, как они ласково именовали Тремпл-Толл, станцию кебов.

Когда они со своим ворчанием скрылись в тумане, доктор Доу сказал:

– Вы правы, Степлл: я позвал вас по делу.

– Я внимательно вас слушаю.

Доктор Доу поглядел на него. Степлл не выдержал и отвел глаза в сторону, будто бы заинтересовавшись пухлым джентльменом, который с удобством устроился на скамейке напротив, приставив ухо к рожку тумбы аудиогазеты.

– Дело, из-за которого я назначил эту встречу, связано с болезнью. Ко мне обратилась некая молодая особа. Жильцы в ее доме начали болеть. Недуг походит на обычную инфлюэнцу, вот только это определенно не она. Я попытался разобраться, но, отправившись по адресу, названному упомянутой особой, столкнулся с некоторыми трудностями. Жильцы отказываются со мной говорить и заявляют, что у них есть свой доктор, который их посещает. Мне сообщили, что это вы, Степлл.

При этих словах молодой доктор вздрогнул. Доктор Доу кивнул.

– Я так вижу, вы понимаете, о каком доме идет речь.

– Флоретт, двенадцать, – сказал Степлл. – Дом у канала. Впервые я побывал там около двух недель назад. Я хорошо помню тот день: Погодное ведомство сообщило, что вскоре должен начаться второй туманный шквал, который, впрочем, так и не состоялся. В больницу поступила просьба прислать доктора, но прочие мои коллеги...

– Посчитали, что они выше того, чтобы волочиться к больным беднякам, живущим в какой-то... – доктор Доу вспомнил, как Джаспер назвал дом № 12, – *дыре*, и отправили вас. Знаете, как я называю подобный подход, Степлл?

– Я догадываюсь, сэр.

– Я называю его мерзостью.

Отношение доктора Доу к бывшим коллегам из Больницы Странных Болезней для доктора Степлла откровением не стало. Его наставник никогда не скрывал, что презирает это место и всех, кто в нем работает.

– Я воспринимаю то, что меня отправили туда, несколько иначе, сэр, – сказал доктор Степлл. – В мое попечение выделили целый дом. Я лечу у жильцов ушибы, переломы, различные легкие недомогания. Иногда они вызывают меня из-за сыпи или инфлюэнцы...

– Но сейчас это никакая не инфлюэнца.

– Вы говорили.

– Значит, они не вызвали вас на этот раз?

– Боюсь, что нет. Но почему вы считаете, что это не инфлюэнца?

Доктор Доу прищурился.

– Симптом. Был некий симптом, который выбивается из общей картины.

– Что же это?

– Зеленые слезы.

Доктор Степлл поглядел на него с удивлением.

– Именно, – подтвердил доктор Доу, довольный произведенной реакцией. – Но это еще не все. Как я уже говорил, мне не удалось осмотреть больных в доме на улице Флоретт, зато я кое-что там обнаружил.

Он достал из кармана и вручил собеседнику склянку. Доктор Степлл поднес ее к глазам, встряхнул. Внутри была обычная пыль, в которой перекатывалось несколько чуть светящихся золотистых искорок.

– Догадываетесь, что это? – спросил доктор Доу.

– Пыльца, полагаю.

– Вы правы. Знаете, откуда она?

– Полагаю, это пыльца мисс Руби.

Доктор Доу кивнул.

– Я не мог не заметить этот странный цветок в холле. Также я обратил внимание, что стеклянный футляр, под которым он растет, в одном месте треснул. Думаю, именно так пыльца выбралась и разлетелась по всему дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.